

Гу Си была дочерью второго дяди и на год младше Гу Чи. Она росла в достатке, купаясь в родительской любви, и характер у неё был окончательно испорчен.

В детстве они ладили: виделись в доме деда нечасто, но девочка тянулась к брату. Гу Чи тогда ещё не был таким мрачным — он играл с ней и всегда знал, как развеселить.

Но потом всё изменилось. Гу Чи внезапно уехал из города вместе с отцом, а когда спустя столько лет вернулся, девочка уже выросла. Она начала понимать, насколько сложен и запутан мир взрослых, и заняла сторону, которую считала правильной.

Гу Чи не винил её за это, но и заставлять себя терпеть её враждебность не собирался. Его холодное, отстранённое отношение к родственникам было высшей степенью уступчивости, на которую он был способен после того, как осознал все последствия своего возвращения.

Закончив играть импровизированную мелодию, Гу Чи мысленно записал ноты. Он обернулся к табурету, где спал маленький Гу-гу, и только тогда заметил на экране телефона пропущенный вызов и сообщение в WeChat.

И звонил, и писал Жэнь Ижань.

Гу Чи открыл чат.

«Твоя доставка с любовью прибыла. Мастер Гу, увидишь сообщение — спускайся и открывай!»

Замерев на секунду, Гу Чи спрятал котенка в карман кофты и пошёл вниз.

Стоило ему приоткрыть дверь, как Жэнь Ижань буквально ввалился внутрь. Приложившись затылком об пол, он умудрился выпустить из рук огромный арбуз, который с гулким стуком покатился по прихожей.

— А-а-а! — Жэнь Ижань упёрся правой рукой в пол и зашипел от боли.

Гу Чи выставил ногу, придерживая его за спину, чтобы тот не завалился окончательно.

— Постучать в голову не пришло?

— А какой смысл стучать, если ты трубку не берёшь? — Ижань задрал голову, глядя на него снизу вверх.

Гу Чи и выглядывающий из его кармана котенок уставились на гостя в ответ. Человек и кот молча взирали на него свысока. «Кот весь в хозяина», — подумал Ижань. — «Наверняка тоже

вырастет таким же высокомерным и будет меня игнорировать».

Гу Чи протянул руку.

— Вставай.

— Мой арбуз... — Ижань дотянулся до беглеца, прижал его к груди и, ухватившись за руку Гу Чи, поднялся на ноги.

— И что это? — Он закрыл дверь и направился вглубь дома.

— Доставка с любовью. Тебе поесть принёс. Я на кухню, разрежу, — Жэнь Ижань расплылся в улыбке.

— Дай мне, а сам переобувайся, — безапелляционно заявил Гу Чи, забирая арбуз.

— Ты всегда такой? — Жэнь Ижань прислонился к дверному косяку кухни, наблюдая за спиной друга. — Эй, просто разрежь пополам, будем ложками есть! Поверь мне, так вкуснее всего.

— Хорошо.

Гу Чи резко опустил нож. Раздался сочный хруст. Ижань аж вздрогнул от такой решительности.

— Сладкое всегда поднимает настроение, — Жэнь Ижань облизнулся.

Гу Чи бросил на него короткий взгляд, но промолчал. Неужели он так заметно ходил с «кислым» лицом? Кто знает. Этот парень иногда казался непроходимым тупицей, а иногда проявлял пугающую проницательность.

Чувствует чужое настроение...

— Его только утром с рынка привезли, свежайший, — продолжал болтать Ижань. — У Эр Гоу на развале это самый ходовой сорт. Я пробовал, он сахарный, прямо рассыпается.

Гу Чи, следуя совету, воткнул ложки в обе половины арбуза и протянул одну Жэнь Ижаню. Тот уже потянулся было за угощением, но Гу Чи внезапно отвёл руку.

— Забудь. Не трогай ничего руками.

— Пойдём в гостиную, — Ижань перегородил выход.

— В столовую, — Гу Чи нёс по арбузу в каждой руке, глядя на него исподлобья.

— В гостиную! Я хочу телик посмотреть... — упрямо заявил Ижань.

Гу Чи вздохнул.

— Тебе сколько лет?

— Шестнадцать. Через два месяца — семнадцать, — выпалил Ижань. — Хочу телевизор!

«На два месяца младше меня. Совсем ребёнок», — подумал Гу Чи. — «Что ж, придётся потерпеть этого не слишком сообразительного младшего братика».

— Тогда дай мне дорогу, — буркнул он.

— Ой, да-да, прошу, — Жэнь Ижань радостно засеменял следом, мимоходом легонько ткнув пальцем Гу-гу, спящего в кармане.

Летний вечер, прохлада от вентилятора и сочный арбуз в руках — это и есть дань уважения сезону. В детстве Гу Чи часто сидел так с бабушкой во дворе, задирая голову к усыпанному звёздами небу.

Он не ел так уже много лет. Усевшись на диван и поставив половину арбуза между скрещенных ног, Гу Чи молча принялся за еду. По телевизору крутили местные новости — ничего особенного: у кого-то пропала собака, к кому-то залез вор. Обычная текучка, но Ижань смотрел на экран с неподдельным восторгом.

Он не просто смотрел — он ел шумно и дико. Поскольку правая рука была повреждена, ему приходилось орудовать левой. Гу Чи то и дело замечал периферийным зрением, как арбузный сок летит во все стороны, но делать замечание не стал — бесполезно. Он просто молча подтирал капли салфеткой.

— Ты сам за ним ездил? — спросил Гу Чи, не поднимая глаз.

— Помогал Эр Гоу с товаром. На электроскутере возил, четыре захода сделал! — Ижань слизнул сок с губы. — Когда днём тебе звонил, как раз на рынке был. Если бы не Ван Янь, я бы совсем забыл, что надо форму забрать. Ты мерил её? Брюки подошли?

— Зачем мне мерить твою одежду? — Гу Чи покосился на руку Ижана. С такой травмой таскать

грузы и ворочать ящики... Этот парень живёт поразительно безалаберно.

— Ну, мы же почти одного роста. Если на тебя налезет, значит, и мне впору будет, — Ижань с наслаждением зачерпнул полную ложку сока. — Вообще, на рынке обеды классные продают. Один дядька там уже лет двадцать стоит — лотка нет, просто на тележке привозит. Все работяги и таксисты у него закупаются. Добавка риса бесплатно, порции огромные, ух!

Он покачал головой.

— Всё, молчу, а то проголодаюсь ещё сильнее.

— Ты не обедал? — спросил Гу Чи.

— Не-а, думал арбузом наесться, — Ижань осклабился. — Меня вчера старик из дома выставил, у Эр Гоу ночевал.

— Из-за чего? Увидел руку и решил, что ты в драку ввязался? — удивился Гу Чи. Значит, вот почему тот не отвечал в WeChat — его просто выставили за дверь.

— Да нет, старая песня. Мол, я никчёмный, ленивый и позорю фамилию Жэнь, — беспечно отмахнулся Ижань.

Гу Чи промолчал. В его семье проблемы отцов и детей решались иначе — их просто не существовало, как и самих отношений.

— Раньше я помалкивал, но стоит мне открыть рот, он сразу начинает орать, что мать меня плохо воспитала. Теперь и того краше: и мать поносит, и меня бьёт, — вздохнул Ижань.

— Ударил тебя? — переспросил Гу Чи.

— Даже порог переступить не успел — сразу по лицу прилетело, — Ижань указал на свою щеку и обиженно надулся.

Странно всё это. Взрослый парень, а получил пощёчину от отца — казалось бы, позор, о котором стоит молчать. Но сегодня в доме Гу Чи, уплетая арбуз, Ижань чувствовал себя настолько расслабленно, что слова сами вылетали изо рта.

И в глубине души он даже надеялся, что его пожалеют.

— Ты злишься? — невпопад спросил Гу Чи.

— Да что за вопросы! А ты бы не злился на моём месте? — Ижань едва не поперхнулся. — Я взбешён не только из-за того, что он меня ударил, а из-за того, что он маму до слёз довёл. Вот и сорвался на него. Ну, и оказался на улице.

— Меня никогда не били, — Гу Чи поставил арбуз на столик и погладил котенка по голове.

— Совсем? Ни папа, ни мама? — осторожно спросил Ижань. Он уже знал, где проходят границы дозволенного, и решил прощупать почву под удобным предлогом.

— Отец не бил, — Гу Чи поднял на него глаза. — А мать... я её не видел.

Жэнь Ижань тут же прикусил язык.

Гу Чи с каменным лицом поднялся с дивана, и Ижань, испугавшись, что тот уходит, рефлекторно схватил его за запястье.

— Ты обиделся? Прости, я больше не буду спрашивать, честно!

— Не обиделся, — Гу Чи высвободил руку. — Пойду еду разогрею.

Сегодня «навык отличника» преподнёс новый сюрприз: он умел готовить. Причём неплохо — простая домашняя еда оказалась на удивление вкусной.

Жэнь Ижань послушно сидел в столовой и вычищал тарелки, не зная, какими ещё словами похвалить хозяина дома. В этот момент ему стало даже немного неловко. Он понимал, что буквально навязался, прилип как банный лист. Сначала Гу Чи был недоволен, кривился и грубил, что только подстёгивало Ижаня вести себя ещё нахальнее. Но потом выяснилось, что за суровым видом скрывается человек, который пускает в дом, даёт потискать кота и кормит ужином собственного приготовления.

«Типичный цундэре», — решил про себя Ижань.

— Слушай, а вы, отличники, во всём такие крутые? — Он отложил палочки и погладил живот.

— Даже готовить умеешь. Не ожидал. Твоя семья богата, могли бы нанять целую ораву прислуги, а ты сам у плиты стоишь. Будь я на твоём месте, я бы и пальцем не пошевелил...

— По выходным я отпускаю тётушку Чэнь, — Гу Чи собрал посуду и загрузил её в посудомоечную машину.

Тётушке Чэнь нужно было заботиться о своей семье, она подрабатывала у них в свободное время. Ей и так приходилось несладко, катаясь туда-сюда каждый день. И хотя она должна была готовить и по выходным, он освобождал её от этой обязанности. Ему было достаточно

того, что в пятницу она закупала продукты и забивала холодильник. Дальше он справлялся сам.

Кто бы мог подумать, что этот «молодой господин» окажется куда более приспособленным к жизни, чем он сам. Жэнь Ижань не переставал удивляться.

Впрочем, за такой самостоятельностью часто стоит вынужденное одиночество. Его замкнутость наверняка родом из семьи. Матери нет, бытом занимается сам — неудивительно, что он стал таким автономным.

Но что с матерью? Умерла? Ушла в другую семью? Спрашивать об этом Ижань уже точно не рискнул бы.

— Гу Чи... — позвал он негромко, прислонившись к холодильнику.

Тот обернулся.

— Я сегодня... слышал твой разговор с той девочкой. Внизу, — признался Ижань. — Слышал не всё, я не специально подслушивал. Просто подошёл к дому, а вы там стояли. Это была она?

— Сестра, — Гу Чи сосредоточенно мыл руки.

— Понятно... — Ижань принялся вычерчивать носком кроссовка круги на полу, не зная, как продолжить. — На самом деле, плохие отношения с родными — это почти норма. Если тошно, всегда можно уйти к друзьям. Тебе одному даже спокойнее: играешь на пианино, тискаешь кота, боксируешь. Не из-за чего расстраиваться.

— Я и не расстраиваюсь, — отрезал Гу Чи.

— Не расстраиваешься? А чего тогда играл такую похоронную музыку? — Ижань набрался смелости. — Звучало красиво, но на душе от неё выть хочется.

— Это даже не законченная вещь. Как ты там разобрал — грустная она или весёлая? — буркнул Гу Чи.

— Не надо считать меня полным профаном. Я хоть ни на чём играть не умею, но хорошую песню от лажи отличу, — Ижань пошёл за ним в гостиную. — Твоя музыка?

— Моя, — Гу Чи выудил Гу-гу из кармана и устроил на коленях. — Достань бутылочку из-под столика.

— Давай я, — Ижань принялся шарить под столешницей. Первым делом он наткнулся на пепельницу, выставил её наверх. Следом — стопка писем. Маленький флакончик из-под глазных капель, служивший соской, задвинули в самый дальний угол. Стоило Ижаню его достать, как Гу Чи тут же перехватил «снаряд».

— Тебе с руками неудобно, сиди уж, — бросил он.

Гу-гу, почуяв запах смеси, тут же открыл глаза. Гу Чи кормил его бережно и аккуратно. Ижань засмотрелся: перед ним сидел опытный «папаша», чей взгляд стал непривычно мягким.

Поразительно. Рыжий кот меняет мир — он способен растопить даже сердце неприступного ледяного бога.

— Ты куришь? — вдруг спросил Ижань.

Пепельница была чистой, будто ею не пользовались, но зачем держать такую вещь дома, если никто не курит?

— Когда злюсь. Привычки нет, — Гу Чи вытянул салфетку и вытер мордочку котенка.

— Ты? И куришь?! — снова изумился Ижань. — У меня тоже зависимости нет, так, одну затыжку, когда прижмёт.

— Мне нельзя? — Гу Чи вскинул бровь.

— Ну... ты же отличник, — ляпнул Ижань.

— И что? Отличникам закон запрещает? И кто тебе сказал, что я учусь на пятерки? Мы ещё ни одного экзамена не сдавали, а ты уже всё про мои оценки знаешь? — Гу Чи склонил голову набок.

— Да не кипятись ты, мне просто любопытно... Необычно это. Такой чистюля, правильный мальчик из богатой семьи — и втихаря покуривает. Хе-хе.

— Не втихаря. Я не прячусь, — Гу Чи сухо на него посмотрел.

Разобравшись с пепельницей, Ижань переключился на стопку писем. Разноцветные конверты, наклейки, пахучие саше — явно не мужская корреспонденция. Удержаться от любопытства было невозможно. Он скользнул взглядом по верхнему конверту и хмыкнул.

— Ого, сколько любовных посланий... — он не удержался от шпильки. — Есть хоть одна

девчонка, которая тебе нравится?

— Нет, — отрезал Гу Чи.

— Не верю! — Ижань прикинул на глаз: писем было штук восемь. Та, что сверху, оказалась из смелых — написала «Гу Чи лично» и поставила имя.

Чжан Инъинь.

— Вера — дело добровольное, — Гу Чи заметил, как тот вытягивает шею от любопытства. — Скрывать мне нечего. Хочешь — читай.

— Ну уж нет, это некрасиво, — Ижань фыркнул. — Ещё скулы сведёт от их соплей, как я потом арбуз есть буду?

Гу Чи промолчал.

Ижань, не унимаясь, подался вперёд и даже принялся, сморщив нос, как любопытный щенок.

— Духами набрызгала... Ну ты и фрукт, Гу Чи. Настоящий кобель.

— Я-то тут при чём? — удивился тот.

— Раз не нравятся, зачем письма хранишь? Целую коллекцию собрал. Планируешь гарем открыть? Будешь выбирать, кого поудобнее охмурить? — Ижань злорадно хмыкнул. — Мы же мужики, всё понимаем. Сначала расставляешь сети, а потом собираешь улов. Подонки!

Гу Чи: «...»

Ижана было не остановить.

— У нас в классе тоже девчонки по тебе сохнут, наверняка и их каракули в этой куче лежат. Не любишь — скажи прямо, а то разведёшь тут любовные треугольники, я тебя выгораживать не стану!

— Больной, — Гу Чи протянул руку, сгрёб всю стопку и одним движением отправил в мусорное ведро.

— Вот это по-нашему, — одобрил Ижань. — Но всё-таки... неужели тебе совсем никто не нравится?

Гу Чи, который до этого приводил в порядок взъерошенную шёрстку Гу-гу, поднял голову. Он пристально, не мигая, уставился на Жэнь Ижэня.

Он смотрел настолько долго и серьёзно, что любому стало бы не по себе.

— Ты чего? — Ижэнь занервничал. — Я опять что-то не то ляпнул?

— Жэнь Ижэнь, — Гу Чи внезапно усмехнулся. Это была редкая улыбка, но в ней сквозил холод.

Он медленно подался вперёд, почти нависая над Ижэнем, создавая вокруг себя тяжёлую, давящую ауру.

— Тебе не кажется, что ты слишком сильно мной интересуешься?

<http://bllate.org/book/17447/1658409>